

Смерть стоит того, чтобы жить ..."

Виктор Цой. Нечаянное завещание...

© Алекс Шамров, 2006

...На «километр» в этом году мы ехали на автомобиле. Поворот на 35-м километре Талсинского шоссе, сразу за мостиком, или, попросту «километр», где 15 августа 1990-года погиб Виктор Цой. Спустя ровно год, в августе, погибла его страна, мир, общество, которому, как принято считать, и противостояла русская рок-культура. Впрочем, насчет смерти страны мы поняли далеко не сразу. Как, помнится, пошутил Куня, ныне покойный рижский рокер 90-х: «Труднее всего врубиться, что ты уже помер»...

Зря думают, что русский рок, это «музыка протеста». А в особенности «музыка протеста против «совка», то бишь, Советского Союза. Это просто музыка тех, кому свойственно по своей природе думать о сущности жизни. Обычным пацанам и девчонкам, а не только дипломированным мыслителям. И говорить об этом между собой. На романтическом свидании, или за бутылкой портвейна в «неформальском» подвале. Не важно... Просто думать и говорить. Даже если умных книжек не читали. Это музыка и порожденная Союзом. Страной, где человека считали в своей основе умным, честным, равнодушным. А все остальное в нем – извращением, отклонением от нормы. Это музыка, порожденная страной, где в идеале было НОРМАЛЬНО думать о смысле жизни и верить в искреннюю любовь. Поэтому так остро чувствовалось, что вокруг многое не так. И протест уже рождался сам собой. Инстинктивный, по принципу, «уж как получится». Как там у Виктора:

*«В виде связок в горле комом теснится крик,
Но настала пора и тут уж кричи – не кричи...»*

А от понимания жизни, это верно, иногда и «башню срыгает». Русский рок, это музыка сильных. Многие из которых оказались слабее своей же собственной силы. И тогда кто до чего додумается. Кто просто матерится со сцены, кто «баян» по вене пускает, кто стакан водяры накатил – и писать, писать, писать... А кто-то взял и шагнул из окошка, как Саша Башлачев. Решив, что все про эту жизнь уже понял. А кто-то видит небо из того же окошка. И Бога за работой. И действительно понимает что-то про жизнь. Как там у Виктора:

*«Крыши домов дрожат под тяжестью дней.
Небесный пастух пасёт облака.
Город стреляет в ночь дробью огней.
Но ночь сильнее, её власть велика...»*

Так вышло, ночь тогда оказалась сильнее. Недавно один знакомый психолог признался мне, что оказывается, неумение врать, это признак инфантильности! Значит, теперь все нормально: человек подлый и жаден строго “по своей сущности”. Теперь все остальное в нем, это “отклонение от нормы”. И за бутылочкой расслабляются, а не думают. И говорят о разных аспектах потребления. А главное, совершенно непонятно, как об этом петь и как действительно конструктивно это все ненавидеть! Чтобы с драйвом!!! А не занудно морализировать, как пожилая училка. Наверное поэтому русский рок конца 80-х так и остался «классикой жанра». И что-то действительно стоящее создают и сейчас те, кто научился еще тогда чувствовать жизнь, понимать ее и думать. И кто сумел выжить...

Как, например, Константин Кинчев. Пройдя в поисках правды и матушку-анархию, и ощутимый налет сатанизма,- и дойдя в своих песнях до русского патриотизма и православия. Хотя на самом деле, это просто очередной цвет флага. Ведь все об одном, если вдуматься: *«Ни в аду, ни в раю, А на самом краю, Где землёй отродясь правил бледный почерк, Чтобы свет разметать, Над землёю опять Бился с мутью дурень три дня и три ночи.»*

“Дай мне гитару, брат!..”

...Мы едем с «километра» с ребятами из молодежной организации ЗаПЧЕЛ: депутатом Сейма Юрием Соколовским и Жанной Карелиной. Именно при финансовой поддержке ЗаПЧЕЛ несколько лет назад на «километре» был установлен памятник Виктору Цою. Мы с Жанной вспоминаем, как путешествовали сюда лет восемь назад автостопом. Как пришлось тащить обратно моего институтского кореша, ныне известного рижского бизнес-журналиста. Приятель изрядно напился. Плакал, шепча слова из песен Цоя. Ненавидел Америку и «тотальный шопинг». Кричал: **«Сделать революцию и умереть за неё!»** И с ревом вскидывал кулак то ли в рот-фронте, то ли в нацбольском приветствии, пугая проезжающие иномарки. За эти годы

Жанна на “мостике памяти”

приятель изрядно оброс брюшком. Звонит иногда... Снисходительно рассуждает о «статусных вещах». Фотографируется на фоне чужих яхт и таких же «статусных автомобилей». А потом вывешивает эти фотки в «нете», или рассылает за границу, нашим бывшим однокашникам. Дружба ушла, как вода в песок времени...

За окнами авто - "километр"...

В этом году народ на «километре» тоже собрался разный. «Хиппи по жизни» под полтинник, или «состоявшийся мидл-класс» лишь сегодня одевший подзабытую униформу андерграунда, тинейджеры в цепях и размалеванных майках. Музыканты, пацаны с манерами студентов факультета философии – или с замашками гопников. Было всё! И пьяные слезы, и кальян по кругу. И вдруг бросилась в глаза парочка влюбленных. Их какое-то особо искреннее, даже с надрывом,

отношение друг к другу. Так, будто это их последний день на этом свете. Они уже приговорены к смерти и знают об этом. А Юрию Соколовскому больше всего запомнились два пацана, целовавшие памятник Виктора.

- Мы просто жили под песни Цоя, любили, учились, понимали жизнь, - говорит Юрий, - а сегодня я очень ясно почувствовал, как то время вместе со всем, что в нем было, превращается в историю. В объект, пусть искреннего, но поклонения. Наверное, так всегда бывает. А потом придет кто-то, для кого это прошлое станет мечтой и идеалом. И продолжит начатое тогда, только уже как-то по другому.

... **Э** то фото у меня вышло, наверное, повинуюсь каким-то законам Запредельного. Памятник Виктору с собравшимся возле него народом – и подсолнух, который Жанна несет к памятнику. Подсолнух, влетающий в кадр! Как символ Звезды по имени Солнце! Вот и все, что на самом деле есть в этой жизни. Как это поется в моей любимой песне Виктора:

*«А жизнь – только слово, есть лишь любовь и есть смерть.
Эй, а кто будет петь, если все будут спать?..»*

И дальше. Слова, что теперь высечены на памятнике ему:

*«Смерть стоит того, чтобы жить.
А любовь стоит того, чтобы ждать».*

... **В** от и все, что на самом деле надо успеть в жизни понять. В любые времена...▲

